

М. В. Иванова, О. В. Шабалина

ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СААМОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА В XIX ВЕКЕ

Аннотация

В статье осуществлен анализ технологического процесса торговли коренного населения Кольского п-ова в XIX в. в проблемном поле экономической истории. Выделены социально-экономические группы населения, взаимодействовавшие на региональном рынке, рассмотрены элементы организационной и территориальной структуры торговли, ее специфические особенности в исследуемый период. Отмечена обоюдно осознанная необходимость в заключении маловыгодных сделок между лопарями (саамами) и другими субъектами рынка в исторически сложившихся социально-экономических условиях, осложнявшихся экстремальными природно-географическими условиями региона. В работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный методы, многофакторный анализ. Источниковая база исследования представлена опубликованными этнографическими трудами и архивными документами

Ключевые слова:

саамы (лопари), коляне, Кольский Север, торговля, промыслы, пути сообщения.

Medeya V. Ivanova, Olga V. Shabalina

CHARACTERISTICS OF THE TRADE ACTIVITIES OF THE SAMI WITHIN THE TERRITORY OF THE KOLA PENINSULA IN THE 19-TH CENTURY

Abstract

The article analyzes the technological process of trade of the indigenous population of the Kola Peninsula in the 19th century in the problematic field of economic history. The socio-economic groups of the population interacting on the regional market are identified, the elements of the organizational and territorial structure of trade, its specific features in the researched period are considered. A mutually recognized need was noted for unprofitable transacting between the Lapps (Sami) and other market entities in historically developed socio-economic conditions, complicated by the extreme natural and geographical settings of the region. In the work historical-genetic, historical-comparative methods, multivariate analysis are used. The source base of the study is represented by published ethnographic works and archival documents

Keywords:

Sámi (Lapps), Kola residents, Kola North, trade, crafts, lines of communication.

Введение

Раннему развитию торговых отношений на территории Кольского п-ова способствовали особенности исторического развития региона. Отсутствие крепостничества, большая степень хозяйственной и личной свободы привели к тому, что Кольский Север рано стал одной из «товаризованных» областей Российского государства, так как суровый климат, невозможность обеспечить себя собственным хлебом обусловили развитие подсобных промыслов на этих окраинных землях, которые стали практически основным занятием местного населения.

В удельный период, когда Великий Новгород стал самым значительным и богатым торговым центром на Руси, удачно близко располагавшимся к главным

речным транспортным путям и к выходу через р. Волхов в Балтийское море, Терский берег Кольского п-ова, включая район р. Кола, стал провинцией, зависимой от Новгорода, хотя и не вошел территориально в состав Новгородской республики [Ключевский, 1906: 72–73; Шаскольский, 1962: 272; Шумилов, 2006: 152]. Состоятельные новгородские бояре-промышленники отправляли свою челядь в экспедиции в глубь северных земель, где она разными способами завладевала рыбными и охотничьими угодьями, соляными варницами, основывала свои колонии, облагала данью местное население. Следом целые отряды ушкуйников — свободных новгородцев — устремлялись на Север с промысловыми и торговыми целями, не гнушаясь разбоем и кабалой местных финских племен, в том числе и лопарей (саамов) [Мельгунов, 1905: 87–93; Платонов, Андреев, 1922: 26–37; Чиркин, 1922: 7–12; Перхавко, 1999: 167–170; Шумилов, 2006: 153–154].

В XIII–XV веках Северо-Восточная Русь была тесно связана в торговом отношении с Ганзейским союзом северогерманских и ливонских городов. В XVI–XVII вв. центр внешней торговли все более смещался в северный и северо-западный регионы страны. Обмен «низового хлеба» на местную рыбу, меха, продукты морского зверобойного промысла определили основное содержание внутренней торговли на Кольском п-ове в XIV–XV вв. [Шумилов, 2006: 454]. После начавшейся во второй половине XIV в. монастырской колонизации на юге Кольского п-ова активными игроками на региональном и внешнем рынке страны становятся монастыри: на северо-западе — в конце XV в., на востоке — в XVI–XVII вв.. Особенно преуспел в такого рода деятельности Печенгский монастырь, который XVII в. на своей территории имел порто-франко, т. е. торговал и вывозил товары беспошлинно [Калинин, 1929; Иванов, 2007]. Коммерческие связи с иностранцами стимулировали формирование всероссийского рынка и производственную специализацию различных районов, развитие таможенного, налогового и торгового законодательства. Вся торговля носила в основном меновой характер [Шумилов, 2006: 455].

Исторические источники свидетельствуют о том, что в 50-х гг. XVI в. торговые суда датчан, голландцев и норвежцев регулярно появлялись у Мурманского берега и заходили в бухту у мыса Кегор на п-ове Рыбачий. Иностранцы выменивали у местного населения, в т. ч. и лопарей (саамов), семгу, треску, рыбий жир, сало и кожи морских животных, пушнину на привезенное золото, серебро, ювелирные изделия, серебряную посуду, олово, жемчуг, разные сукна, пиво, вино, муку [Громыко, 1960: 239, 244; Ключевский, 1991: 217–218].

В 1557 г. надзирал за торговлей и собирал пошлины на ярмарке в Кегоре московский чиновник. Он осматривал товары у подвластных московскому государю лопарей и карел и давал им разрешение на продажу; так же поступали датский и шведский чиновники [Ключевский, 1991: 218]. Торг носил меновой характер, но цены измерялись деньгами — алтынами и талерами [Вальдман, 1968: 53–58; Шумилов, 2006: 55]. В 1565 г. нидерландцы появились в Печенгской и Кольской губах [Кордт, 1902: XIX–XXVI; Любименко, 1933: 731; Громыко, 1960: 240–243]. Лопари (саамы) уже имели опыт общения с разного рода коммерсантами и совершали торговые сделки с ними. Основавший в 1532 г. русскую колонию монастырского типа Св. Трифон, по словам жития, «близ той реки [Печенги] обретающимся лопарям начат яко бы творити беседы о куплях», т. е. наряду со своей миссионерской деятельностью выступал также в роли купца.

Монастыри в XVI в. активно скупали земли и промысловые угодья у местного населения, получали жалованные грамоты на приобретенное, развивали торговлю в Коле, Печенге, Поное [Калинин, 1929: 60; Иванов, 2007: 255–276]. Монахи Печенгского монастыря для сбыта собственных товаров на своих судах ходили в норвежский порт Вардегус [Громыко, 1960: 240].

В начале 1580-х гг. датчанам удалось потеснить русских, «обескровленных» Ливонской войной, на Кольском побережье [Сборник..., 1883: 8–9, 11]. В 1570-х — первой половине 1580-х гг. центр мурманской торговли переместился в незамерзающий порт Колы, располагавшейся на мысе у впадения р. Кола в залив на расстоянии 75 км от моря и куда в середине XVI в. была проложена единственная дорога, пересекавшая Кольский п-ов, — Кольский тракт [Шаскольский, 1962: 275–278]. В 1582 г. первый русский воевода А. И. Палицын в Коле построил двор с весами для торговли с норвежцами, а второй воевода М. Ф. Судимантов укрепил Кольский острог. В этом крупном центре русской внешней торговли с Западной Европой наряду с товарами, привезенными из других стран и из внутренних районов государства, активно продавались местные товары. И. П. Шаскольский констатировал, что «до 1585 г. Кола вместе с Печенгой и Кегором имели большее значение для внешней торговли России, чем гавани в устье Северной Двины» [Кордт, 1902: XXVI–XXIX, LI; Шаскольский, 1962: 278; Флоря, 1973: 130]. В 1581 г. после захвата шведами Нарвы и побережья Финского залива были нарушены торговые связи по Балтийскому морю. Поэтому Иван IV Грозный поощрял появление в Коле иностранных купцов: ганзейских немцев и французов, фламандцев, голландцев, которые в 60–70-е годы XVI в. ходили к Нарве [Шумилов, 2006: 456]. В 1575–1585 гг. они везли на Мурманский берег металлы и металлические изделия (медную и железную проволоку, ртуть, олово, и т. д.), химические вещества и лекарственные препараты (нашатырь, квасцы, мышьяк, купорос, сулему, камфару и т. д.), специи и пряности (корицу, перец, гвоздику, анис, шафран, имбирь и т. д.), сахар и изюм. Огромным спросом на вывоз пользовались семга, сало и кожи морских животных, треска. Особенно большой интерес к этой торговле проявляли нидерландские купцы, так как она была высокоприбыльной, например, семга кольская на Мурманском берегу стоила — 2 руб. за бочку, а в Нидерландах — 3 руб. 32 алт., в Брабанте — 3,5–4 руб. [Громыко, 1960: 229–236, 246, 248–256].

В 1584–1586 гг. в Архангельске было завершено строительство объектов таможенной инфраструктуры, частных дворов для приема иноземных и русских купцов, т. е. были созданы все необходимые условия для цивилизованного ведения торговых операций и надзора за ними местной администрации. Поэтому центр мурманской торговли был перенесен из Колы в Архангельск. С 1586 г. в Коле было разрешено торговать только палтусом, треской, ворванью и рыбьим жиром [Шумилов, 2006: 454–457].

Действуя разными методами, монастыри в XVII в. были главными скупщиками красной рыбы у местных промышленников. Заезжие коммерсанты-голландцы скупали шкуры тюленей, ворвань, пушнину (шкурки белых и голубых песцов, лисиц, росомах), ровдужные (замшевые) рукавицы, которые были уже перекупным товаром, так как приобретались уже у местных скупщиков, а не производителей [Калинин, 1929: 72]. Вскоре вотчинники-монастыри стали торговыми монополистами на востоке Кольского п-ова. Монастырские

покрученники часто практиковали меновую торговлю с лопарями. Отправляясь к местам промысла, они брали из монастырской казны в счет зарплаты обувь, шапки, сермяжное сукно и т. п. для обмена с местными жителями на пушнину, каньги, оленину. Такая торговля была мало подвластна фискальному контролю со стороны монастырских финансовых агентов, голов и целовальников [Калинин, 1929: 75].

В XVII в. сосредоточием торговых операций был восток территории будущей Архангелогородской губернии (1708), но в Мезени, Пустозерске, Кевроле и Коле продолжали развиваться «торговые пристанища», впоследствии ставшие известными по всей России ярмарками XVIII — начала XX вв., куда стремились попасть купцы из развитых экономических центров страны, включая Москву, Тверь и другие крупные города [Вехов, 2004: 43–49].

На рубеже XVII–XVIII вв. монастыри утратили свое прежнее значение, а их хозяйство испытывало кризис. Морские промыслы передавались откупщикам, солеварение на Кольском Севере пришло к упадку из-за наполнения рынка более качественной солью из других регионов. После 1682 г. правительство прекратило раздавать лопарей (саамов) вместе с вотчинами монастырям, а в 1764 г. в результате секуляризации монастырских земель все церковные владения в регионе стали государственными. Одновременно поменялась система государственного управления: Кольский уезд в 1708 г. по указу Петра I стал частью Архангелогородской губернии. Во время Северной войны со Швецией за выход в Балтийское море Север стал обретать стратегическое значение. Но коммерческие преференции получил новый порт Санкт-Петербурга, куда из-за более низкого таможенного сбора был перенаправлен грузопоток [Федоров, 2004: 149–157].

В первой половине XVIII в. были отменены торговые операции по продаже, аренде земли. В 1704–1721 гг. северные промыслы ворвани и трески Петр I отдал на откуп Сальной компании А. Д. Меншикова и П. П. Шафирова [Дадыкина, Крайковский, 2014: 71–77]. Правительство Анны Иоанновны продолжило практику монополий на Севере и, кроме того, вложило государственные средства в экономику Кольского Севера, начав добычу стратегически важных серебряных и медных руд. Но из-за малых мощностей предприятия быстро закрылись. В период просвещенного абсолютизма реформы Екатерины II вновь упразднили монополии на морские промыслы, были отменены сборы с морских промыслов и производственных помещений, а по Указу 28 июня 1780 г. прекращалось взимание пошлин с судов и «работных» людей, приходящих в Кольский острог на Мурманский берег для промысловых работ. Политику оживления торгово-промышленной жизни в регионе продолжили Павел I и Александр I, вложивший свои средства в акции Беломорской промысловой компании. В 1809–1810 гг. англичане разграбили Мурманское побережье и Кольская таможенная застава закрылась. Беломорская компания потерпела фиаско [Иванова, Шабалина, 2017: 52].

В «Атласе Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями» (1797) отмечено, что торг в Коле проходил один раз в год в марте-апреле. На него приезжали из Архангельска, Холмогор, Онеги, Кеми и их округа, а также со всего Кольского п-ова и из Корел «разного звания люди для отъезда на море на рыбные и звериные промыслы, кои привозят с собою на продажу по небольшому количеству холстов узких

крестьянской работы, уда рыболовные и прочие для жителей нужные вещи» [Атлас..., 1797: 16]. В Коле промышленники покупали промасленные лодки (шняки), чтобы добраться до становища, хлебные припасы, веревки, соленую треску, юфть и др. Летом кольские и иногородние купцы доставляли морем из Архангельска и Онеги на продажу съестные припасы и вещи, а у местных жителей, в том числе и лопарей (саамов), в августе-сентябре, после окончания промыслов, скупали семгу, треску, пикшу, палтус, соленые сухие тресковые головы, сало, мягкую рухлядь, оленину и другие товары, которые также морем на тех же судах доставляли в Архангельск [Там же: 16–17, 20–21].

Технологический процесс торговли на Кольском Севере с участием коренного населения (саамов) в XIX в.

Прежде чем воспроизвести сам процесс торговли с участием коренного населения Русской Лапландии (саамов), необходимо рассмотреть элементы организационной и территориальной структуры торговли в исследуемый период.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. региональный рынок Кольского Севера включал три сферы торговли — развозно-разносную, периодическую, стационарную. Удельный вес стационарной торговли в регионе был крайне мал, и только к концу XIX в. наметилась тенденция к росту этого показателя. Товарооборот на Кольском п-ове был замедленным, так как торговые операции осуществлялись через множество посредников (в основном мелких предпринимателей), но достаточно разнообразным. Сформировавшийся к концу XVIII в. единый товарный всероссийский рынок продолжал совершенствоваться за счет роста и укрепления межрегиональных экономических связей [Дихтяр, 1960: 86–94]. На протяжении XIX в. Архангельская губерния сохраняла высокую зависимость от внешней торговли. Важной особенностью архангельской губернской торговли была повышенная роль ярмарок. Коренные жители, как правило, на ярмарки не ездили, а выменивали необходимые товары через посредников:

«До сих пор почти все продукты рыбных и звериных промыслов населения или, по крайней мере, большая часть их скупалась на ярмарках местными и приезжими торговцами и оттуда уже вывозилась зимним путем в другие губернии. Такой порядок торговли представлял большие невыгоды для промышленников, так как скупщики в значительной степени обесценивали продукты промыслов, устанавливая цены почти по собственному произволу. В то же время вся торговля привозными товарами и, главное, хлебом, доставляемым ежегодно в количестве от 2-х до 3-х миллионов пудов, необходимых для местного потребления, сосредоточилась, вследствие затруднительности и дороговизны провоза, в руках сравнительно немногих крупных торговцев, пользовавшихся всяким удобным случаем, чтобы повысить и без того уже слишком высокие цены на хлеб» [Обзор..., 1900: 46–47].

Социально-экономические группы населения, которые принимали участие во внутренней торговле, можно разделить условно на две группы:

1. *Национальные группы населения, которые вели традиционную трудовую деятельность:*

- коренные жители региона — саами;
- старожильческое население — поморы;

- этнические мигранты — финны, норвежцы, коми-ижемцы (пришли на Кольский п-ов после 1880-х гг.).

2. *Колонисты-промышленники* — русские и иностранные переселенцы, получавшие доход от возможных на данной территории (Мурманский берег) промыслов, торговли без получения установленных свидетельств в течение 6 лет и имевшие такие права в отношении торговли с Норвегией же, как жители поморских районов Архангельской губернии. Так же им предоставлялась привилегия беспошлинного привоза для собственного употребления и для продажи в колониях «мануфактурных и других товаров».

Представители каждой группы обладали разными специфическими предпринимательскими способностями, позволявшими определять и использовать лучшие комбинации имевшихся ресурсов для производства и продажи товаров. Так, колонисты отличались хозяйственностью и торговой смекалкой. Для поморов была характерна высокая степень товарности хозяйства. Ижемцы противились ассимиляции и существовали внутри своей экономической модели, характеризовавшейся первостепенной ролью коммерческого оленеводства, которое допускало и оседлый тип поселений. Имели молочный скот, огороды [Чарнолуцкий, 1930: 41].

Лопари (саамы) — коренное население, не занимавшееся животноводством и растениеводством, — классически вписывались в образ «человека неэкономического»: им была не характерна материальная заинтересованность и перед ними не стояла проблема максимизации благ. А решение хозяйственных задач было направлено на обеспечение собственного существования на основе местной природно-ресурсной базы. Лопари (саамы) исследуемого периода, проживавшие на территории Кольского п-ова, вполне соответствуют экономическому образу традиционных «охотников-собираателей», описанному американским антропологом Маршалом Салинзом, считавшим, что человек в традиционном обществе «относительно свободен от материального прессинга» [Салинз, 1999: 30]. Хотя в этнографической литературе XIX в. встречаются крайне противоположные мнения по поводу способности лопарей (саамов) к предпринимательской деятельности, появившиеся в колониальном и политическом контексте национальных особенностей мировоззренческих позиций авторов. Так, например, в 1841 г. финны М. Кастрен и Э. Лённрот осуществили путешествие в Русскую Лапландию с исследовательскими целями в области этнографии и лингвистики [Этнографические замечания, 1858: 263]. Лопарей (саамов), живших в Русской Лапландии, М. Кастрен в своих записках из этой экспедиции назвал русскими Лопарями и своеобразно охарактеризовал. Он пишет, что «русские Лопари отвыкли от оленей и почти исключительно предались рыбному промыслу» [Этнографические замечания..., 1858: 273–274], ассимилировались среди русских, утратив национальные черты, но приобрели «торговый дух»:

«...[русские Лопари] также занимаются и торговлей; оттого в каждой избе на стене, рядом с иконой, висит и безмен. Вообще они одарены сметливостью, но еще слишком бедны, чтобы пускаться на большие предприятия, ездить по городам и посещать ярмарки. Но уже в Энарском приходе попадают там и сям Лопари, прибывшие за каким-нибудь торговым делом из той или другой лопарской деревни. Предугадывая будущее, смело можно

сказать, что русские Лопари, со своим торговым духом, сделают большие успехи» [Этнографические замечания..., 1858: 274].

«В деревнях, лежащих по большой Мурманской дороге, Лопари уже теряют мало-помалу свой коренной характер. Внутреннее довольство собой уступает бессмысленной веселости, спокойное размышление — ловкой сметливости, жизнь мирная меняется на трудную и хлопотливую. <...> Торговля и частые сношения с Русскими и Карелами много способствовали к выходу их из естественного состояния невинности. Также природные коренные свойства Лопаря много потеряли от смешения жителей с русскими Карелами. <...> Все, что мы выше сказали об их веселости, хлопотливости, об их торговом духе и т. д. — все это есть следствие русского влияния» [Там же: 279].

Российский исследователь и промышленник Г. Ф. Гебель, в последние два десятилетия XIX в. занимавшийся китобойным и сельдяным промыслом в Баренцевом море, напротив, в своем труде «Наша Лапландия» (1909), отмечал «лень» и отсутствие стремления у лопарей к наращиванию объемов своих промыслов для продажи и получения прибыли:

«Несмотря на соприкосновение с жителями вновь основанных деревень на юге, с горожанами в Коле, с некогда столь энергичными и предприимчивыми беломорами, два раза в год пересекающими полуостров на пути к Ледовитому океану и обратно, лопарь остался кочевником, который 3 или 4 раза в год меняет свое местожительство, который <...> заимствовал у оседлых в Лапландии и временно приходящих в нее элементов лишь кое-какие дурные свойства и ничего хорошего. <...> Рыболовные орудия у лопарей в высшей степени примитивны и, несмотря на громадное богатство внутренних вод Лапландии семгой, форелями, сигаами, щуками и другими рыбами, лопарь сравнительно мало ловит на продажу. Семужьи тони он большей частью отдает в аренду русским и финляндцам» [Гебель, 1909: 70, 76].

Особенности организации внутренней торговли на территории Кольского п-ова в XIX в. связаны со спецификой расселения населения и с практическим отсутствием сухопутных путей сообщения [Иванова, Шабалина, 2019: 47]. Тип ведения хозяйства лопарей (саамов) представлял собой **распределенное домохозяйство в рамках погоста** и формировался веками в рамках традиционных сезонных экономических циклов на обширной территории со специфическими физико-географическими условиями. К началу XX в. на Кольском п-ове насчитывалось 18 погостов [Гебель, 1909: 80]. Каждый погост отличался своими географическими особенностями и промысловой специализацией. Например, *Каменский погост* находился в самой отдаленной части Кольского п-ова, где пересекались направления товарного движения в/из Поной, Ловозеро, Йокангу, Варзугу — древнейший торговый центр на Терском побережье. Главные занятия населения *Семиостровского погоста* включали озерное рыболовство, оленеводство, охоту и отхожий заработок на Мурманской железной дороге. Белую и красную рыбу (гольца и кумжу) семиостровцы сбывали перекупщикам для торга на Никольской ярмарке в Варзуге, незначительный улов семги направлялся в Лицу. У жителей *Йокангского погоста* преобладали: оленеводство, торосовый и семужий промысел, охота; редко — отхожие

и случайные заработки; выделка меховых изделий, которые «сбываются на пароходы», заходившие сюда летом и зимой [Чарнолуцкий, 1930: 35–38].

Ареалы хозяйственной деятельности лопарей (саамов) были локализованы вдали от торговых узлов. Транспортными средствами для доставки продуктов промысла по морю к местам торговли они не владели, за редким исключением. Торговые пути по суше фактически отсутствовали. Были лишь тропы, известные коренному населению, такие как тропа п. Летний Лумбовский — Варзуга-погост Сергозеро. Предполагается, что продукты промыслов доставлялись из «терской Лопи» в Варзугу этим путем. До начала XX в. сохранился участок этой тропы Акеманай — Летняя Икоганка, так как «в Икогане [был] учрежден кооператив, и изредка семиостровцы приходят в лавочку для забора продуктов» [Чарнолуцкий, 1930: 52].

Добраться до местоположения ярмарок, торгов, проводившихся на территории сегодняшней Архангельской обл., для лопарей (саамов) было затруднительно в силу выше перечисленных причин. Тому подтверждением служит информация, содержащаяся в архивных источниках. Так, например, в фонде № И-52 «Кольско-Лопарское волостное правление» (1868–1917 гг.) Государственного архива Мурманской обл. (ГОКУ ГАМО, г. Мурманск) среди документов о занятиях и экономическом положении крестьян, о рыбных и звериных промыслах, лесной охоте, скотоводстве, отхожих промыслах и торговле отложились письма волостного старшины в Архангельское Губернское особое о земских повинностях Присутствие и в Кольско-Лопарское Волостное Правление, датированные осенью 1874–1875 гг. Эти документы сообщают о причинах неявки лопарей в Кольское Полицейское управление на торги в ноябре 1874–1875 гг. по случаю отдачи почтовых станций в содержание:

«Вашему Высокоблагородию вполне известно на каком обширном Пространстве разкинуты, Кольско-Лопарская волость Единственныя обитатели которой есть кочующия Лопари, которые в осеннее время никогда не живут вместе, а отдельно семья от семьи по принятым ими ранее обычаем и по видам осенних промыслов, они живут на большом один от другого расстоянии, так что проезд с их жилища в осеннее время не только сопряжен с большими трудностями, но даже при бурливой осени невозможен и при том встретило самое распутное время совершенно препятствующее в путях сообщения, кроме того все Лопари обитающия внутри Волости не умеют грамоты, почему объявления о торгах на станции если получены кем либо из Лопарей но всетаки не достигли своего назначения, до разтолкования их между Лопарями грамотным человеком, по этим местным условиям весьма естественно, что в назначенныя сроки для торгов на станции никто из Лопарей кроме двух доверенных лиц от ближайших погостов явиться не имел возможности» [Иванова и др., 2017: 66].

Именно неразвитая транспортная система, распыленность спроса и предложения обусловили первостепенное значение ярмарок для внутреннего товарооборота на Кольском п-ове в частности и на всем Русском Севере в целом. Наиболее крупными ярмарками были: Маргаритинская в Архангельске, Благовещенская и Никольская в Пинеге, Евдокиевская в с. Благовещенском, Сретенская в Шенкурске, Крещенская в Мезени. В отличие от большинства ярмарок центральной России главная ярмарка

Архангельской губернии — Маргаритинская (происходила с 1 сентября по 1 октября) в течение всей второй половины XIX в. переживала пору рассвета. Сезонный характер производства основных товаров, привозимых на ярмарку (рыба, хлеб), определил ее большую жизнеспособность. Кроме рыбы и хлебного товара на ярмарке торговали в основном бакалеей и одеждой. Из других ярмарок Архангельского края наиболее значительными были Евдокиевская (с 25 февраля по 10 марта) и Никольско-Пинежская (со 2 по 20 декабря) [Лейман, 2014: 111–112]. На Евдокиевской ярмарке продавались, прежде всего, продукты скотоводства и лесной охоты. Им сопутствовали продукты фабрично-заводской промышленности и хлебный товар. Никольско-Пинежская отличалась крупными сделками с дичью, рыбой, пером, пухом, шкурами, оленей шерстью, замшей. Сюда свозили свою продукцию рыбаки, охотники, и оленеводы-ненцы. Казенная торговля в Архангельской губернии ограничивалась в основном продажей водки [Обзор..., 1900: 44–46; Обзор..., 1912: 81–90].

Технологический процесс торговли коренного населения в XIX в. подробно описан в работе Н. Н. Харузина «Русские лопари: очерки прошлого и современного быта» (1890). Основной характер этих торговых отношений был меновой. В обобщенном виде он представлял собой следующую схему: «коляне — торговцы», архангелогородские купцы выменивали у лопарей (саамов) рыбу и другие продукты промыслов на сахар, соль, муку, чай, изделия из железа, ткань и др. Товары эти доставлялись с внутренних ярмарок и из Норвегии в Колу, частично — в становища на Мурманском берегу, в Поной, Варзугу. Полученные в результате сделок с лопарями (саамами) местные товары и продукты также отправлялись на внутренние ярмарки и в Норвегию. Особенности ведения хозяйства и быта коренного населения Кольского п-ова, а также географическое расположение того или иного погоста определяли возможности торговых коммуникаций [Дергачев, 1877: 64–66; Харузин, 1890: 120–134]. Так, например, капитан-лейтенант, командир шхуны «Здоровая» Н.Ф. Руднев, обследовавший в 1861 г. состояние рыбных промыслов, свидетельствовал:

«...лопари, которые по всему берегу от Иоканских островов до Кольского залива, где только есть речки, <...> прикочевывают к ним с тундры и занимаются большею частью ловлею семги, и то только те, которые состоят на постоянном откупу у архангельских купцов. Эти считаются между ними счастливыми: они имеют (хотя не в избытке) хлеб и одежду. Другие ловят сами рыбу, выезжая в море на своих тройниках⁷, которые кое-как целым обществом заведут от своего промысла. Об этих лопарях я уже говорил; их хлеб зависит от случая; вообще они в полной зависимости от бральщиков, и часто отдают рыбу почти за бесценок <...> променивают добытую рыбу на муку бральщикам, или особенным лодьям собирающим по берегу излишек лова, непомогающийся на судне хозяина; таких судов весьма немного. <...> В худой лов еще забежит иногда бральщик, а в хороший лопари и в счет нейдут, их проходят мимо, а рыба гниет. Судов же возить в Архангельск, разумеется, нет: не в обычае, да и не сумели бы так далеко плавать [Руднев, 1862: 37–38].

⁷Тройники — суда меньше шняки [Руднев, 1862: 37].

Особенность сделки лопарей (саамов) с посредниками в XIX в. заключалась в том, что она не могла не состояться, поскольку на этом рынке фактически не было конкуренции:

«...часть лопарей, как только вышла из-под кабалы Печенгского монастыря, который захватил в свое ведение многие местности Лапландии — они очень скоро очутились в такой же кабале, только не у одного лица, как прежде, а у многих, большинство лопарей перешло только из рук в руки от монастыря к кольским жителям, которые, так сказать, разделили лопарские погосты между собой для продолжения той эксплуатации, которую в продолжение веков совершал Печенгский монастырь. Другая же часть лопарей в этой кабале находилась еще раньше» [Харузин, 1890: 124–125].

Все погосты были поделены между богатыми «хозяевами» на сферы влияния. При переходе дела другому лицу, по наследству например, новому «хозяину» переходил и «ареал» торгового влияния и кабалы. Кабала также «наследовалась» лопарями (саамами). «Коляне» или «хозяева» всегда оставались в выигрыше. Они были изначально ориентированы на получение прибыли и закрепление долговой нагрузки лопарей (саамов) любым способом.

«Это делается следующим образом: забрав товары, лопарь уезжает на лов рыбы, он знает, на какую сумму он набрал, сколько пудов рыбы нужно ему привезти “хозяину”, чтобы уплатить долг. Кольский “хозяин” в свою очередь записывает долг лопаря в свои книги. <...>Наловив рыбы, он снова приезжает в Колу, где и производится обыкновенно расчет. Все лопари, <...>, уже сильно выпивши: добродушный “хозяин” поставил им водки и вот постепенно, по мере действия винных паров на слабые лопарские головы, лопарь становится все менее и менее подозрителен, все более и более уступает “хозяину”. Когда лопари уже выпили, начинается счет рыбы: «хозяин» отмечает у себя в книге, сколько пудов принято, лопарь у себя на бирки. Конечно, пуда два, три, а то и побольше уменьшат «хозяева», говорили мне, или под разными предлогами заставить лопаря согласиться считать пуд за полпуда, а то и за четверть пуда. <...> Наконец, после, долгих споров, уговоров и угощений со стороны «хозяина», расчет кончен, <...> лопарь заплатил весь свой долг и что рыба у него есть еще лишняя. Лопарю, конечно, всегда необходимы и соль, и мука, и сахар, и чай (последнее, впрочем, если он из состоятельных). На оставшуюся рыбу он решает забрать у того же «хозяина» необходимые ему предметы. Но он уже сильно выпивши и, забирая у «хозяина», не обращает внимания на то, что тот ставит ему двойные и тройные цены в счет. <...> Лопарь подумает, подумает и уступит, а если заупрямится, то «хозяин» на время прекращает торг, угощает лопаря водкой и все-таки так или иначе, просьбой и убеждением навязнет лопарю покупаемый им предмет за цену, за какую он пожелает. Сдав как ни как свою рыбу, лопарь собирается уезжать на новое промысловое место, но как отпустить «хозяину» свою добычу. Ведь если лопарь уедет без долгу, то он может перейти к другому хозяину, может, наконец, найти способ сам продать рыбу и без посредства колян — в таком случае «хозяин» остался бы без денег» [Харузин, 1890: 126–127].

Торговцы и скупщики эксплуатировали знания о социально-экономических практиках и специфическом менталитете лопарей (саамов).

Лопарь (саам) нуждался в покупке продуктов питания, промышленных товаров и реализации предметов промысла, но не мог сам участвовать в ярмарках из-за плотного сезонного хозяйственного цикла, сопряженного с необходимостью перекочевков, большой удаленности центров ярмарочной торговли от мест сезонного проживания, отсутствия транспортных средств и путей сообщения. И соглашался на сделки с разного рода скупщиками. В результате сделка между «хозяином» и саамом заключалась в любом случае. Очевидны два основных субъекта технологического процесса торговли, один из которых нацелен на потенциальную прибыль, другой — не имеет своей целью получение прибыли. Наличие серьезных культурных различий между участниками сделки оказывало большое влияние на сложившиеся неформальные (нематериальные) институты торговых операций между коренным населением и скупщиками, на формирование, в первую очередь, институтов защиты прав собственности, что, в свою очередь, приводило к принятию различных решений фундаментальной проблемы обмена, сказывавшихся на долгосрочной истории развития территории [Greif, 1994: 914].

В то же время надо признать, сами «коляне», участвовавшие в торговых сделках с коренным населением, находились в зоне повышенного риска и могли и остаться без прибыли. Они несли серьезные убытки при перепродаже соленой рыбы в Архангельске, так как приобретаемая у лопарей семга нередко была несвежей, при перевозке рыба продолжала портиться, а архангельские монополисты назначали крайне низкие цены. Таким образом, «коляне» сами попадали в зависимость от архангельских рыботорговцев. Для решения проблемы зависимости предлагались различные мероприятия, например, открытие ссудных касс под залог рыбы [Харузин, 1890: 126–128-129].

Основным предметом торговли была семга, в меньшей степени остальные виды рыб и результаты других промыслов, которые предназначались для сбыта на региональном рынке (см. табл.). Количество семги в разных реках варьировалось.

Сравнительные показатели доходности промыслов
[Харузин, 1890: 112–114].

Годы	Дичь (в руб.)	Семга (в руб.)
1882	23	4874
1883	38	6434
1884	143	10055
1885	120	10135
1886	105	13650

Так, в Поное «после установки забора, рыбы скоплялось такое количество, что первый день лова давал от 500 до 700 пудов, а за весь период до 3000 пудов. Такими рыбными богатствами ни р. Йоканга, ни р. Варзина, ни р. Качковка не отличаются». За хорошим уловом в короткий промежуток времени «лопари Каменского, Сосновского и Лумбовского погостов, а с последними и некоторые иоканчане под видом работников» отправлялись в с. Поной на промысел семги, проделывая путь от 150 до 200 и более км (тропа Каменский погост — с. Поной) [Чарнолуский, 1930: 85–89].

Семга служила средством оплаты государственных налогов: купцы и «верные целовальники», скупая семгу, удерживали у лопарей причитающуюся сумму в счет налогов и от лица «своих» лопарей вносили в казну. Характерно значение семги как своеобразной региональной валюты, вызывавшей в промышленниках те проявления алчности и других низменных страстей, которые сопутствуют деньгам. Лопари (саамы) промыслили семгу главным образом ради денежного дохода от нее, т. е. семужий промысел имел для них исключительно экономическое значение. Лишь хорошо обеспеченные представители коренного народа оставляли «на свою нужу» не более пуда в качестве праздничной еды, тогда как озерной рыбы для «пропитания» запасали несколько десятков пудов [Чарнолуский, 1930: 90].

Кроме рыбы, предметом денежного торгового служил речной жемчуг, продажа которого обеспечивала экономику традиционного хозяйства наличными средствами. Вылов жемчужниц осуществлялся в реках Кола, Тулома, Лица и сбывался в Колу, Кемь и другие поморские города, в южные уезды Архангельской губернии, в Олонецкую и, отчасти, в Вологодскую губернии. Жемчуг, получаемый из «лопарских» рек, был, за редким исключением, недостаточно правильной формы с редко встречающимися крупными или розовыми экземплярами, которые ценились особенно дорого [Гебель, 1909: 251–253].

Выводы

В процессе исследования рассмотрены элементы организационной и территориальной структуры торговли в XIX в. на Кольском п-ове. Отмечена преобладающая в это время роль развозно-разносной и периодической сфер торговли на данной территории, которые не способствовали ускорению динамики товарооборота при осуществлении множества посреднических торговых операций, но обеспечивали его разнообразие. Определены социально-экономические группы населения, которые участвовали в региональной торговле и обладали разными специфическими предпринимательскими способностями. Коренное население Кольского п-ова лопари (саамы) представлено в исторических источниках как субъект регионального рынка, не озабоченный проблемой максимизации благ, обеспечивавший собственное существование на основе местной природно-ресурсной базы в процессе ведения в рамках погоста распределенного домохозяйства. Домохозяйство лопарей (саамов) формировалось веками с учетом традиционных сезонных экономических циклов на обширной территории со специфическими физико-географическими условиями, от которых зависела промысловая специализация погостов. Не производившиеся домохозяйством продукты и товары были предметом обмена и торгового с другими субъектами регионального и внешнего рынков.

В качестве особенностей организации торговли на территории Кольского п-ова в XIX в. выделены: специфика расселения населения; отсутствие сухопутных путей сообщения и достаточного количества транспортных средств для доставки товаров; локализация торговых узлов вдали от мест проживания коренного населения; распыленность спроса и предложения; сезонный характер производства основных товаров; преимущественно меновой характер торговых отношений, серьезность посреднических финансовых рисков при торговле скоропортящимися продуктами промыслов; ограниченный ассортимент товаров, обменивавшийся на денежный эквивалент. Описан технологический процесс

торговли коренного населения в XIX в. с торговцами-скупщиками, использовавшими свою осведомленность о социально-экономических практиках и специфическом менталитете лопарей (саамов) для получения максимальной прибыли на рынке, свободном от конкуренции. Отмечено, что имеющиеся серьезные культурные различия между участниками сделки оказывали влияние на динамику формирования нематериальных институтов торговых операций между коренным населением и скупщиками, в первую очередь институтов защиты прав собственности. Что, в свою очередь, приводило к принятию различных решений фундаментальной проблемы обмена, сказывавшихся на долгосрочной истории экономического развития территории.

Список источников и литературы

Альмов В. К. Лопари Кольского полуострова // Доклады и сообщения Мурман. общ. Краеведения. Мурманск, 1927. Вып. I. С. 7–22.

Атлас Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями. Составлен по Высочайшему повелению в 1797-м году. (Краткия историческия примечания о Архангельской губернии, топографическое оной описание с присовокуплением такового ж о рыбных и звериных морских промыслах; Топографическое и историческое описание города Холмогора; Камеральное описание Холмогорской округи). 1797. Т. 3. 202 с.

Вальдман К. Н. Старинное становище и торг (XVI в.) на Крайнем Севере (Кегор — Вайда-губа) // Известия Всесоюз. геогр. о-ва. 1968. № 1. С. 53–58.

Вехов Н. В. Старинные ярмарки Архангельской губернии // Московский журнал. 2004. № 11. С. 43–49.

Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: [б. и., 1909]. VIII. 314 с.

Громыко М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века: сб. М.: Наука, 1960. Вып. 17. С. 225–258.

Дадыкина М. М., Крайковский А. В. «Промысел стараться умножить»: деятельность Сальной компании А. Д. Меншикова и морские промыслы на Русском Севере: 1704–1721 гг. // Меншиковские чтения — 2014: науч. альманах / гл. науч. ред. П. А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2014. Вып. 5 (12). С. 71–77.

Дергачев Н. Статистический очерк Лапландии // Русская Лапландия: Статистический, географический и этнографический очерки. Архангельск: Тип. Губернского Правления, 1877. С. 1–107.

Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 235 с.

Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей // Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. Записки Императорского Русского Географического Общества по отд. Этнографии. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1877. Т. VIII. С. 8–89.

Иванов В. И. Монастыри и монастырские владения XVII в. в Кольском уезде // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А. А. Преображенского: сб. ст. / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. В. Семенова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 255–276.

Иванова М. В., Казакова К. С., Шабалина О. В. Опыт социоэкономического и культурного развития Арктической зоны РФ в XVIII —

начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, № 9–12. С. 61–76.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 42–53.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Социально-экономические аспекты освоения Кольского полуострова // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4 (55). С. 50–59.

Калинин И. М. Торговые сношения лопарей с русскими в половине XVII века // Изв. Русского Географического о-ва. 1929. № 1. С. 59–76.

Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории: частное издание для слушателей автора. Изд. 5-е. М., 1906. 196 с.

Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей; МГПИ им. В. И. Ленина, 1991. 334 с.

Кордт В. А. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. // Сборник ИРИО. СПб. 1902. Т. 116, XII, CCCXLVII. 243 с.

Лейман И. И. География ярмарок на Европейском Севере России: из истории в современность // Изв. Коми научного центра УрО РАН. 2014. Вып. 1 (17). С. 110–116.

Любименко И. И. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // Известия АН СССР, Отделение обществ. наук. 1933. № 10. С. 729–754.

Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX — XVIII вв. М.: Изд-во магазина «Сотрудник школ» А. К. Залесской, 1905. 291 с.

Мионов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 259 с.

Обзор Архангельской губернии за 1911 год. Архангельск: Губернская тип., 1912. 189 с.

Обзор Архангельской губернии за 1899 год. Архангельск: Губернская тип., 1900. III. 199 с.

Перхавко В. Б. Пушнина в древнерусском товарообмене (IX–XIII вв.) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 164–174.

Платонов С. Ф., Андреев А. И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Вып. 1. С. 26–37.

Руднев Н. Ф. Промыслы по Мурманскому или Лапландскому берегу: (Сведения, собр. во время плавания шкуны «Задорная» в 1861 г. // Морской сборник. 1862. Т. LXIII, № 11. С. 31–70.

Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 199. 296 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 38: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. 2. (С 1581 по 1604 год). СПб., 1883. IV, X, III, 443, XXVI с.

Федоров П. В. Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). Мурманск, 2004. 241 с.

Флоря Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // Средние века. 1973. Вып. 36. С. 129–151.

Харузин Н. Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта) // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Труды Этнографического отдела. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. Т. 10; Т. 66. 472 с.

Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание Гос. Русского географ. о-ва, 1930. 176 с.

Чиркин Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пб.: Гос. изд-во, 1922. Вып. 1. С. 7–26.

Шаскольский И. П. О возникновении города Колы // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 270–279.

Шумилов М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 472 с.

Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 г. // Этнографический сб. ИРГО. СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1858. Вып. 4. 320 с.

Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // The J. Political Economy. 1994. Vol. 102, Issue 5. P. 912–950.

Сведения об авторах

Иванова Медея Владимировна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Шабалина Ольга Вячеславовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Ivanova Medeya V.

Dr. Sci. (Economics), Leading Research Fellow of Barents Centre of Humanities, FRC KSC
RAS

Shabalina Olga V.

PhD (History), Leading Research Fellow of Barents Centre of Humanities, FRC KSC RAS